

"Грозен был воин чарь наш батюшка..."

(Нижегор. губ., Ардатовск. уезда)

Грозен был воин чарь наш батюшка,
Первый чарь Иван Васильевиць:
Сквозь дремуций лес с войском-силою
Он прошел в страну Татарцкую,
Себе чарство взял Казаньское,
Господарство Астраханьское,
Вывел Перфила из Нова-города,
Не вывел измену в каменной Москве.
То чарское серче разгоралось
Пусче огня, пусче полымя.
Вот сказал он рецью громкою:
«У меня есть, дзе, всяки мастера,
Есть такие разны дохтуры!»
Но все прячются, старый за малого,
И хоронятча малый за старого;
А один из них лишь не прятсчется,
То Малютка, палаць, то Гурбатов сын:
«Ну пойдика сюда, гой, Гурбатов сын!
Сослужи-ка, не бось, службу верную,
Службу верную, неизменную:
Во палаты ступай в чарски камены,
Взяв чаревца там за черны кудри,
Распоясни с него шелковой пояс,
Золотой перстень сними с правой руи,
Отведзи самого на Москву на реку,
Впрямь на место на то — место Лобное,
И на плаху на ту на липову,
И сними там с него буйну голову,
А мне к явке подай саблю вострую,
Саблю вострую в горящий его рудзе!»

И увидзел-то Федор Ивановичь,
Федор Ивановичь Пожарской сын,

Из косясчита из окошецка;
Пропустивши чаря вдоль по улице,
Вдоль по улице, вдаль от церема,
Как воскликнет он ко Гурбатову:
«Ой ты гой, Гурбатов палаць!
Не за свой ты кус принимаешся,
Сам кусом таким подавишься!»
И Пожарской позвал слугу верного,
Слугу верного, свово стряпцаго,
Свово стряпцаго, что не лудцава,
Что не лудцава, свово ключника:
«На, сними, — он пробал, с него голову,
Снеси саблю к чарю в горючий рудзе,
А к чаревницу не прицаствуйся».

Вот на утро чарь Иван Васильевиць
На поминки собрал поголовно народ:
Он бояр повелел во медвежны вшивать,
Во медвежны вшивать, по Москве-реке пусцать,
А потом приказал во кули зашивать,
Во кули зашивать, по Москве ж реке пусцать,
Что чаревница не засценяли.

Вот съезжаются все в плацье черным,
В плацье черным во печальным,
А ездет одзин Федор Ивановичь,
Федор Ивановичь Пожарской сын,
Пожарской сын во нарядзе цветном,
Во нарядзе цветном, в ярком золоце,
И кони его все обряжены,
Все обряжены, что не лудция,
А веселье в самом так и светитча.
Вот увидзел его чарь Иван Васильевиць,
Как воскликнет он громким голосом:
«Ой ты гой еси, Федор Ивановичь,
Федор Ивановичь Пожарской сын!
Аль об горе моем ты не сведался,
Что срядитча посмел, словно в радостный пир?»
А Пожарской сын отвецает чарю:
«Я, батюшка чарь, все в отлуке гулял,

Все в отлуке гулял за охотою,
И поймал сокола, цто не лудцава,
Цто не лудцава, цее ближнява,
То сына цее рóдного».

И возрадовался чарь, и ответил ему:
«Уж ты гой еси, Федор Ивановичь,
Федор Ивановичь Пожарской сын!
Ведь не мне бы Чарем, а цее должно быть:
Ты умел соблюсци чарски сэмены!»

(От В. И. Даля, записал г. Реймерс, со слов крестьянина)

Песни, собранные П. В. Киреевским, Ч. II. Песни былевые, исторические. Вып. 6. Москва. Грозный царь Иван Васильевич, 1864.